

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

Константин Иванович
ЛОГАЧЕВ

ПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ НОВОЙ ГРЕЦИИ

(лингвистические характеристики и исторические
обстоятельства создания и функционирования)

Диссертация написана на русском языке

Специальность № 10.02.14 — греческий язык
(новогреческий язык)

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

МОСКВА
1974

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

Константин Иванович
ЛОГАЧЕВ

ПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ НОВОЙ ГРЕЦИИ

(лингвистические характеристики и исторические
обстоятельства создания и функционирования)

Диссертация написана на русском языке

Специальность № 10.02.14 — греческий язык
(новогреческий язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА
1974

Работа выполнена в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова без научного руководства.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **А. А. Белецкий**,
доктор исторических наук **Г. Л. Арш.**

Внешний отзыв — кафедра классической филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан

1974 г.

Защита диссертации состоится 1974 г. в час.
на заседании Ученого совета Института славяноведения и балканистики АН СССР, Москва, Трубниковский пер., 30-а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Ученый секретарь совета

Работа «Письменные языки Новой Греции» состоит из введения, трех глав и перечня использованных материалов.

Во введении прежде всего обосновывается необходимость обращения к теме письменных языков Новой Греции (Греции нового времени). Первой из трех основных причин необходимости обращения к названной теме является слабая изученность в нашей стране большинства новогреческих письменных языков. Во введении перечисляются основные виды публикаций XIX—XX века на русском языке, так или иначе затрагивающих названную тему, и делается попытка показать, что содержащиеся в этих публикациях сведения во многом не совсем верны. Второй основной причиной необходимости обращения к названной теме является отмечаемое у некоторых из наших исследователей неразличение устного современного греческого языка и ряда письменных новогреческих языков (а именно, новогреческих письменных языков, называемых «димотики»). Последней из основных причин необходимости обращения к названной теме является отказ современных западных негреческих неоэллинистов от изучения целого ряда письменных языков Новой Греции (и прежде всего новогреческих письменных языков, называемых «кафаревусой»). Во введении делается попытка показать, что такой отказ обуславливается тем, как западные негреческие (и под их влиянием многие греческие) неоэллинисты, занимающиеся «новогреческим языком», привыкли с конца XIX века понимать объект своего научного исследования. При определении своего объекта эти ученые исходили и исходят из синтеза двух социологических концепций, согласно одной из которых лишь «народный язык» является продуктом естественного языкового развития общества, согласно же другой лишь «новогреческий народный язык» должен иметь место в греческом обществе нового времени. В свете нашей современной социологии обе эти концепции представляются не совсем верными, а

языковое новогреческое «народничество» — весьма утрированным и демагогическим.

Во введении выдвигается тезис о том, что эффективное изучение новогреческих письменных языков не может быть «чисто лингвистическим» их изучением, а должно вестись с учетом данных, получаемых при более широком обществоведческом изучении Новой Греции. Здесь же излагается ряд соображений о тех требованиях, которым должно отвечать изучение новогреческих письменных языков (оно должно быть изучением всех таких языков, изучением их во взаимосвязи и изучением всех уровней этих языков).

В конце введения кратко характеризуются использованные в работе материалы.

Первая глава работы посвящена лингвистической классификации новогреческих письменных языков. Сначала рассматриваются существующие принципы такой классификации, которые заключаются в общем в том, что совокупность новогреческих письменных языков разделяется на группы, каждая из которых объединяет языки, сходно оцениваемые с точки зрения истории устного греческого языка. Так, новогреческие письменные языки, считающиеся полностью отражающими устный «новый» греческий язык, объединяются в одну группу, а новогреческие письменные языки, считающиеся отражающими устный «новый» греческий язык лишь частично или считающиеся вообще не отражающими последний, объединяются в другие группы. История устного греческого языка понимается при этом главным образом как фонетическая и морфологическая история (понимание морфологической истории греческого языка характеризуется следующими основными моментами: а) морфология устного греческого языка в любой «послеклассический» период его существования рассматривается как совокупность считающихся сохранными или измененными парадигм словоизменения, выделяемых для устного «классического» греческого языка; б) все «аналитические» явления в устном греческом языке считаются явлениями синтаксическими; в) выделяемые для устного «классического» греческого языка структуры имени и глагола считаются в целом сохраняющимися устным греческим языком во все «послеклассические» периоды его существования). Степень же отражения тем или иным новогреческим письменным языком устного «нового» греческого языка понимается при этом лишь количественно (чем меньше определяется в том или ином новогреческом письменном языке элементов, считаю-

щихся идентичными элементами устного «нового» греческого языка, тем в меньшей степени он считается отражающим последний; значение подсчитываемых в данном случае элементов для строя рассматриваемого новогреческого письменного языка в расчет не принимается).

Далее в первой главе делается попытка показать неоправданность применения для классификации новогреческих письменных языков подобных «диахронических» принципов (поскольку новогреческие письменные языки всегда являются результатами сознательной деятельности определенных представителей или определенных кругов новогреческого общества, они не должны непосредственно соотноситься с каким бы то ни было периодом истории спонтанно развивавшегося устного греческого языка) и предлагается положить в основу такой классификации принципы «синхронические», то есть сделать эту классификацию типологической. При этом главные рубрики искомой классификации должны соответствовать наиболее значимым для строя новогреческих письменных языков языковым типам. Поскольку, в соответствии с идеями нашей современной лингвистики, наиболее значимыми языковыми типами следует считать такие типы отношений элементов, которые позволяют говорить о вхождении соотносящихся элементов в одно слово, главные рубрики лингвистической классификации новогреческих письменных языков предлагается сделать соответствующими различным типам слов в этих языках.

Часть первой главы уделена проблеме словоделения в новогреческих письменных языках, которая рассматривается в связи с проблемой словоделения устной греческой речи. Было сочтено более рациональным начинать не с определения слова, а с выделения и классификации сегментов в устной и письменной речи. Устная речь при этом (в отличие от того, что делается обычно) считалась не бесконечной звуковой цепью (звуковой лентой), а совокупностью высказываний (диалогических реплик) — то есть в некотором смысле «коллекцией пьес». Такое понимание речи представляло возможность опереться на готовые, непосредственно данные образования, каковыми являются высказывания. Было предположено, что среди высказываний имеются такие высказывания, каждое из которых содержит лишь один из искомых сегментов. Чтобы обнаружить подобные высказывания, было решено обратить внимание на структурные соотношения высказываний друг с другом. С точки зрения этих соотношений оказалось возмож-

ным выделить ряд типов высказываний, два из которых были названы соответственно словесными и словоподобными вариантами. Словесным вариантом было названо всякое высказывание, которое 1) встречается с тем же смыслом в виде Части большего высказывания; 2) не состоит из двух частей, каждая из которых с тем же смыслом нормально встречалась бы в виде меньшего высказывания; 3) встречаясь с тем же смыслом в виде части большего высказывания, не становится прерывной частью последнего; 4) встречаясь с тем же смыслом в виде части большего высказывания, не меняет последовательности своих составляющих. Словоподобным вариантом было названо всякое высказывание, которое отвечает только трем первым из четырех вышеперечисленных условий.

Представлялось, что анализ письменной речи должен начинаться с деления ее на части, каждая из которых соответствовала бы одному словесному или словоподобному варианту. Зная устную речь современных греков и соотнося ее с письменной речью, представляющей из себя последовательности графических слов, было нетрудно убедиться, что одному словесному или словоподобному варианту может соответствовать отрезок письменной речи, состоящий не только из одного, но и из двух и более графических слов.

Следующий раздел первой главы посвящен вопросу объединения словесных вариантов в классы — словоформы или неизменяемые слова. Было принято, что для такого объединения главным является наличие у вариантов одного и того же смысла, в силу чего возможно как объединять в один класс варианты с частично различающимися структурами, так и относить к различным классам варианты с одинаковыми структурами.

При рассмотрении словоформ, содержащих в себе части, традиционно считаемые глагольными формами, было обращено внимание на то, что в составе таких словоформ личными показателями могут считаться не только части, традиционно называемые личными окончаниями, но и части, традиционно считаемые формами личных местоимений (это подтверждается, в частности, сопоставлением данных греческого языка с данными грузинского языка). Так как при допущении этого, оказывается, что в составе получаемых на основании вышеизложенной процедуры словоформ наличествует нередко более одного личного показателя, становится возможным говорить о том, что в ряде новогреческих письменных языков существует полипрособия.

За разделом о полипросопных словоформах следует раздел об их объединении в классы — спрягаемые слова. При этом вводится понятие спрягаемой основы. При анализе спрягаемых основ составляющие их морфемы делятся на две группы: морфемы, наличие которых в спрягаемой основе не обуславливается тем, к какому спрягаемому слову относятся представляемые этой спрягаемой основой словоформы (такие морфемы были названы надиндивидуальными составляющими спрягаемых основ) и морфемы, наличие которых в спрягаемой основе обуславливается тем, к какому спрягаемому слову относятся представляемые этой спрягаемой основой словоформы (такие морфемы были названы индивидуализированными составляющими спрягаемых основ).

После этого излагаются основания для интерпретации последовательностей графических слов, традиционно считаемых сочетаниями имен с краткими формами личных местоимений, как соответствий одному словесному или словоподобному варианту, и делается вывод о том, что в ряде новогреческих письменных языков существует морфологическое выражение притяжательности, показателями которой следует считать то, что раньше считалось краткими формами личных местоимений.

При лингвистической классификации новогреческих письменных языков предлагается учитывать наличие или отсутствие полипросопных словоформ или словоподобных вариантов, наличие или отсутствие надиндивидуальных составляющих спрягаемых основ, наличие или отсутствие объектных и притяжательных форм личных местоимений и позицию этих форм, и, наконец, категорию, к которой можно отнести совокупности наборов падежных и личных окончаний (таких категорий предлагается выделить шесть: 1) окончания, полностью количественно и качественно «выровненные» по «новогреческому народному образцу»; 2) окончания, в подавляющем большинстве количественно и качественно «выровненные» по «новогреческому народному образцу»; 3) окончания, количественно и качественно не «выровненные» ни по «новогреческому народному образцу», ни по «древнегреческому образцу»; 4) окончания, в подавляющем большинстве качественно «выровненные» по «древнегреческому образцу», но количественно отличающиеся от него; 5) окончания, полностью качественно «выровненные» по «древнегреческому образцу», но количественно отличающиеся

от него; 6) окончания, полностью количественно и качественно «выровненные» по «древнегреческому образцу»).

С учетом всех вышеперечисленных критериев предлагается выделять одиннадцать классов новогреческих письменных языков согласно следующей схеме (где «+» означает «наличествует», «—» — «отсутствует», «пп» — «в постпозиции»).

Примерами письменных языков каждого класса могут служить соответственно языки: первого — И. Вилараса, Я. Психариса; второго — Д. Катардзиса, Д. Филипидиса и Г. Констандаса, Д. Соломоса, М. Триандафилидиса; третьего — А. Христулоса; четвертого — Ф. Папаконстандину; пятого — А. Коранса, П. Кодрикаса, Г. Хадзидакиса; шестого — В. Корнароса; седьмого — Дамаскина, Н. Софианоса; восьмого — И. Мисиодакса, К. Кондоса; девятого — Н. Дукаса; десятого — К. Рангависа; одиннадцатого — П. Русано-са, П. Суцоца.

Вторая — основная и самая большая — глава работы посвящена истории письменных языков Новой Греции. История новогреческих письменных языков рассматривается здесь как отражение культурно-идеологической истории новогреческого общества. При этом казалось необходимым подчеркнуть, что если бы существовало описание истории взглядов новогреческого общества на культурные и идеологические традиции грекоязычного общества древности и средневековья, такое описание могло бы быть использовано как основа для описания истории письменных языков Новой Греции.

Во второй главе приводится ряд сведений о письменных языках средневекового грекоязычного общества (сделать это было сочтено необходимым потому, что история письменных языков Новой Греции является непосредственным продолжением истории письменных языков греческого средневековья). После изложения обстоятельств эллинизации Византийской империи в языковом отношении и причин использования в средневековье в качестве языковых эталонов произведений пользовавшихся древним аттическим диалектом классических греческих авторов V—IV веков до нашей эры, делается попытка подвергнуть сомнению крайне отрицательные характеристики, даваемые языковой реальности в Византийской империи языковедами XX века, изучавшими историю греческих письменных языков.

К концу существования Византийской империи (к середине XV века) языковая реальность в грекоязычном обществе складывалась из следующих основных компонентов: 1) тра-

		К л а с с ы										
		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Полипросолные словоформы		+	+	+	+	+						
Полипросолные словоподобные варианты						-	+	+				
Наддивидуальные составляющие спрягаемых основ		+	+	+	+	+	+		+			
Объектные и притяжательные формы личных местоимений						+			+	ип	+	+
Категория совокупностей наборов падежных и личных окончаний		1	2	3	4	4	1	3	4	5	5	6

диционного письменного языка и органически взаимосвязанной с ним устной речи очень узкого круга столичной верхушки; 2) устной речи широких слоев неграмотного населения, органически не взаимосвязанной с каким-либо письменным языком; 3) органически взаимосвязанных друг с другом письменного языка и устной речи лиц, с одной стороны, грамотных, а с другой стороны, находящихся под влиянием устной речи широких слоев неграмотного населения. Первый из двух названных здесь письменных языков был ведущим, второй играл второстепенную роль. Собственно история письменных языков Новой Греции начинается с изменения роли этих двух письменных языков.

Историю письменных языков Новой Греции предлагается рассматривать как последовательность пяти основных периодов, выделяемых на основании наличия тех или иных ситуаций в новогреческой культуре и идеологии.

Для первого периода (середина XV века — XVIII век) характерными считаются религиозное просветительство, религиозная пропаганда, религиозная контрпропаганда, а также светское западноевропейское влияние в определенных районах с грекоязычным населением. Все эти процессы происходили в сложной социально-политической обстановке, в условиях разделения эллинизма и религиозной автономии его поработенной части. В первый период истории новогреческих письменных языков социально активная часть грекоязычного населения, с одной стороны, и инославные миссионеры, с другой, начинают ощущать потребность в «языке для народа».

Социально активная часть грекоязычного населения (то есть социальная верхушка) использовала в качестве «языка для народа» письменный язык, органически взаимосвязанный с их собственной устной речью. Видеть в этом лишь удовлетворение сословно-классовых интересов вряд ли будет правильным. Необходимо учесть, что в греческом обществе XV—XVIII веков не было ни господствующего диалекта, ни фольклорного интердиалекта. Единственным интердиалектным явлением здесь был культурный интердиалект — устная речь грамотных (то есть социальной верхушки), более или менее верное представление о которой могут дать тематозпистолы XVI века. При постановке вопроса о языке для всего народа обращение к этой речи как базе было для социальной верхушки грекоязычного общества естественным.

Инославные миссионеры в качестве «языка для народа» использовали письменные языки, более тесно связанные с жи-

вой народной речью (то есть с живыми диалектами), чем тот письменный язык, который в качестве «языка для народа» использовала социальная верхушка грекоязычного общества.

Наконец, в рассматриваемый период создаются письменные языки непосредственно на основе живых диалектов. Это были письменные языки возникавших под западным влиянием региональных народных новогреческих литератур (начинавших создаваться, как правило, в форме поэзии по западным образцам на греческих территориях, находившихся под господством европейцев).

Что касается традиционного письменного языка, то в XV—XVIII веках его позиции стали весьма слабыми. «Языком для народа» он не был. В силу упадка образования, вызванного иноземным господством, прежнего привилегированного положения он не мог занимать даже в среде социальной верхушки. Тем не менее, от попыток сохранить этот язык в грекоязычном обществе не отказались, видя в нем символ сохранения греческой нации вопреки национальной катастрофе.

К концу первого периода в языковой реальности грекоязычного общества были представлены 1) традиционный письменный язык, относящийся к классу XI; 2) письменный язык, созданный на базе устной речи социальной верхушки и относящийся к классу VII; 3) письменные языки, в большей или меньшей степени отражающие живые диалекты и относящиеся к классу VI; 4) устная речь социальной верхушки; 5) диалекты.

Второй период (XVIII век — начало XIX века) предлагается считать характеризующим общегреческим светским просветительством. Общегреческое светское просветительство заимствовало у Запада, среди прочего, две концепции в их новом толковании: концепцию необходимости особого внимания к древнегреческому языку и концепцию использования «языка народа» в качестве «языка для народа». Воспринимаясь в соотношении с языковой реальностью грекоязычного общества, эти концепции приводили к новым взглядам на уже существовавшие письменные языки и к созданию новых письменных языков.

Сторонники различных программ языкового строительства нередко находились в довольно обостренных отношениях друг с другом. Весьма показательным, что в ряде случаев враждующие стороны защищали письменные языки, которые представляется необходимым отнести к одному и тому же классу. Это означало, что различие между враждующими сторонами

лежало вне собственно лингвистической сферы. Именно так обстояло дело у враждовавших друг с другом корайстов и кодрикитов, поскольку и язык А. Корайса, и язык П. Кодрикаса относятся к одному и тому же классу — классу V. Оба эти языка характеризуются в принципе идентичной исходной основой, и оба они создавались при идентичной по духу обработке этой основы (хотя, конечно, определенные различия между этими двумя языками существуют).

Помимо письменных языков класса V в рассматриваемый период создавались письменные языки, могущие быть отнесенными к классам VIII, IX, I, II и III.

Языки класса VIII создавали авторы, считавшие, что надо писать «простым стилем», но «более прилично» (например, И. Мисиодакс). Языки класса IX создавали авторы, считавшие необходимым постепенный возврат к древнегреческому языку (например, Н. Дукас). Языки классов I, II и III создавали авторы, считавшие, что необходимо всячески поддерживать естественный язык простого народа в интересах этого народа (например, И. Виларас, Д. Катардзис, Д. Филипидис и Г. Констандас, Д. Соломос, А. Христопулос).

В рассматриваемый период встречались и такие авторы, которые продолжали употреблять письменный язык класса XI (например, Е. Вулгарис).

Дискуссии по вопросу о письменном языке, происходившие во второй период, не завершились каким-либо общепринятым решением. Более или менее определенный выбор письменного языка был сделан греческим обществом лишь в третий период (начало XIX века — конец XIX века), характеризующий господством идеологии возрождения классического греческого прошлого.

Несмотря на то, что из существовавших во второй и третий периоды письменных языков языки классов I, II, III (и в известной степени класса V) были в большей степени пригодны для выполнения функций «языка для нации», чем языки классов VIII, IX, X и XI, именно языки последних четырех классов по преимуществу употреблялись в Греции в третий период. Это было связано целому ряду факторов: непосредственной преемственности между идеологией социальной верхушки поработанного эллинизма и идеологией социальной верхушки новогреческого государства, своеобразным пониманием авторитета новогреческой нации, взглядом тогдашних филологов на историю греческого языка, отношением Европы к греческому восстанию против турок и т. д. Следует сказать,

что выбор в пользу письменных языков классов VIII, IX, X и XI был сделан без учета реальных возможностей греческой нации и без опоры на опыт возрождения древнего языка в какой-либо другой стране. Но вместе с тем этот выбор нельзя объяснять одной лишь археоманией и узким национализмом. Необходимо вновь напомнить о том, что в грекоязычном обществе единственным наддиалектным явлением был культурный интердиалект.

Опыт языкового строительства в Греции XIX века показал, что в тогдашних греческих условиях письменные языки классов IX, X и XI не могли занять в греческом обществе того места, которое им предназначалось. Греческая школа XIX века не могла внедрить ни один из этих языков повсеместно по той простой причине, что она не могла эффективно воздействовать на языковые навыки всей массы греческого населения. Это обстоятельство приводило греческое общество к необходимости отказаться от употребления названных письменных языков в качестве языков общегреческих. Однако вопрос о том, в пользу каких именно письменных языков следует отказаться от языков классов IX, X и XI, был вопросом дискуссионным. Программы языкового строительства, создававшиеся в Греции в четвертый период (конец XIX — начало XX веков), характеризуются реакцией определенной части новогреческого общества на господство идеологии возрождения классического греческого прошлого и ответной реакцией сторонников такого возрождения, давали различный ответ на этот вопрос.

Важнейшими из выдвинутых в четвертый период программ языкового строительства следует считать программы двух первых профессиональных лингвистов, принявших участие в языковых дискуссиях — основателей национального греческого языкознания Г. Хадзидакиса и Я. Психариса.

Хадзидакис, пытаясь найти компромисс между верностью традициям и требованиями жизни, выдвинул тезис о необходимости для общегреческого языка сохранения разумной связи с письменной традицией. На практике это означало употребление письменных языков классов V и VIII, причем не в неизменной, а в эволюционирующей в сторону сближения с живой народной речью форме. Письменные языки классов I и II Хадзидакис отвергал только из-за отсутствия социально авторитетных примеров использования этих языков в греческом обществе.

Участвуя в языковой борьбе, Хадзидакис проявил большую тактическую гибкость и умение учитывать различные аспекты социальной реальности в Греции конца XIX — начала XX веков.

Психарис, решительно отвергая традицию, выдвинул тезис о необходимости создания «подлинно народного» общегреческого письменного языка, полностью лишённого зависимости от письменной традиции. На практике это означало борьбу за повсеместное внедрение созданного самим Психарисом письменного языка, относящегося к классу I.

Создавая свой письменный язык, Психарис, прежде всего, заявлял, что этот язык основывается лишь на бытовой речи неграмотных греков и народной поэзии. Декларируя такой принцип создания общегреческого письменного языка, Психарис руководствовался теорией, согласно которой нормальные койнэ являются спонтанными, самосоздающимися явлениями, а любое стремление учесть письменную традицию является ошибочным. Однако декларация Психариса об использовании им в качестве основы своего письменного языка бытовой речи неграмотных греков и народной поэзии кажется малобудительной в свете некоторых фактов, касающихся его собственной языковой биографии: Психарис вырос в негреческой языковой обстановке, с греческим языком начал знакомиться в форме тех письменных языков, которые он отвергал, с народным же греческим языком в прямом смысле этого слова познакомился по-настоящему лишь будучи взрослым. Таким образом, действительная база Психариса не могла быть спонтанным, самосоздающимся явлением: это не народный язык как таковой, а определенное представление о народном языке. Далее, создавая свой письменный язык, Психарис руководствовался не реальной употребляемостью тех или иных языковых элементов, а тем, насколько те или иные элементы соответствовали его представлению о народном языке. В результате такого подхода к проблеме письменного языка, Психарис не видел для себя никаких препятствий для того, чтобы отвергать формы реально существующие и употребляемые и вводить формы, созданные им самим и никогда ранее не существовавшие.

Участвуя в языковой борьбе, Психарис — в полную противоположность Хадзидакису — проявил неумение считаться с греческой социальной реальностью и поразительную наивность в целом ряде кардинальных вопросов языкового строительства.

В конце XIX — начале XX веков языковая борьба в Греции обострилась. Ряд греческих интеллигентов встал на сторону Психариса. Их деятельность знаменовала начало движения, получившего название «димотикизма» — движения, в котором очень быстро с проблемами национального языкового строительства стали переплетаться проблемы более широкого социально-идеологического плана. Со своей стороны стало все более организованными формы принимать движение сторонников сохранения связи языкового строительства со старыми письменными традициями.

Языковая борьба конца XIX — начала XX веков закончилась введением в 1911 году по требованию традиционалистов в конституцию Греции двух «языковых» статей, одна из которых запрещала перевод Библии на новогреческий язык без одобрения Константинопольского патриарха, а другая объявляла официальным языком государства тот письменный язык, на котором составляется конституция и тексты греческого законодательства. Это событие знаменовало конец четвертого периода в истории письменных языков Новой Греции и начало последнего — пятого — периода этой истории (начало XX века — наши дни), характерным для которого следует считать зависимость судеб новогреческих письменных языков от государственной языковой политики.

В пятый период завершился процесс самоопределения димотикизма и традиционализма в целом как идеологическо-культурных течений. В наши дни имеет место сближение идеологического содержания димотикизма и традиционализма, размывание границ между ними: димотикизм признал значимость традиции в греческих условиях, а традиционализм признал необходимость динамичности традиции.

Теоретические предпосылки языковых частей программ традиционализма и димотикизма остались в основном теми же, какими они были при Хадзидакисе и Психарисе.

Языковую часть программы традиционалистов характеризует ныне умеренный языковый традиционализм. Одной из особенностей языковой программы традиционалистов является отсутствие в ней фетишизации грамматики, в частности отсутствие фетишизации морфологии. Димотикизм традиционалисты делят на образовательный и литературный и, отвергая первый, считают вполне естественным второй.

Языковую часть программы димотикистов характеризует ныне специфический языковый антитрадиционализм. Чтобы понять его сущность, необходимо учесть, что письменный язык

Психариса не был принят в качестве эталона большинством димотикистов. Принципы его языкового творчества были слишком резким вызовом тем языковым навыкам, которые греческое общество приобрело благодаря длительной письменной традиции. Димотикисты-теоретики тридцатых годов (например М. Триандафилидис) окончательно отказались от ряда принципов Психариса (в частности, от принципа поголовного фонетического и морфологического упрощения народным словам, заимствуемых из старых письменных языков) и вместо письменного языка класса I (каковым был язык Психариса) стали защищать письменный язык класса II. Вместе с тем, исходя из общих принципов языкового строительства в димотикистском духе, они не могли принять письменные языки класса III. Так как противопоставлять письменные языки класса II письменным языкам класса III за счет лексики или синтаксиса было невозможно (такое противопоставление греческое общество отвергло), димотикисты все внимание обратили на морфологию. Отсюда становится понятным, почему одной из особенностей языковой программы димотикистов является фетишизация морфологии. Димотикисты по-прежнему отвергают все письменные языки, в ощутимой степени учитывающие письменную традицию.

В пятый период для осуществления языковой части своей программы димотикисты шли одновременно по двум путям: во-первых, добивались изменения конституционной статьи об официальном языке государства, во-вторых, добивались внедрения защищавшихся ими письменных языков во всех тех сферах общественной жизни, которые конституционная статья не затрагивала.

В целом димотикистов постигла неудача и на том, и на другом фронте. Несколько раз выступая за отмену «языковой» статьи в конституции, они добились в итоге «пирровой победы». Статья 6 действующей конституции (конституции 1968 года), хотя и не содержит (в отличие от статьи 107 конституции 1911 и 1952 годов) фразы о запрещении «порчи» официального языка (то есть допускает эволюцию последнего), но вместе с тем объявляет официальный язык государства также и официальным языком образования. В свое время (в 1917 году) «народный язык» был введен в начальную школу, но положение его там не было устойчивым и до 1968 года неоднократно менялось. Несмотря на то, что в конце 30-х годов диктатор И. Метаксас, а в середине 60-х годов премьер-министр Г. Папандреу (оба они были одновременно

и министрами просвещения) принимали важные решения в пользу димотикистской школьной политики, эти решения оказались в итоге неосуществленными (о чем свидетельствует упомянутая выше статья 6 конституции 1968 года). Димотикистам не удалось овладеть также ни сферой науки, ни прессой.

Лишь в сфере художественной прозы, поэзии и театра димотикизм в языковом отношении добился победы: здесь в настоящее время практически полностью господствуют письменные языки класса II. Значение этого факта не должно, однако, как это часто делается, чрезмерно преувеличиваться. Необходимо учесть, во-первых, отсутствие органической взаимозависимости письменных языков класса II с навыками письменной речи, присущими большинству пишущих греков, а, во-вторых, отсутствие органической взаимозависимости названных письменных языков с обыденной устной речью, и прежде всего городской. Оба этих обстоятельства признают ныне сами димотикисты, хотя оценивают их по своему — как «феномен обшей, на всех уровнях, порчи и искажения языка».

Последними по времени важными событиями в истории письменных языков Новой Греции были интервьюирование в начале 1972 года газетой «Элэфтэрос Козмос» ряда представителей греческой науки и культуры с целью выяснить их взгляды на проблему письменного языка (это интервьюирование имело место в связи с заявлением тогдашнего премьер-министра Г. Пападопулоса о намерении правительства добиться единообразия языка школьных учебников) и состоявшийся в конце 1972 года первый в истории Греции «языковой процесс» (дело М. Лимбераки), отчетливо показавший нынешний разрыв между димотикизмом и школьным образованием.

Маленькая по объему третья глава работы посвящена тем практическим выводам, к которым можно прийти в результате рассмотрения истории новогреческих письменных языков. Представляется, что необходимо создать «новогреческую грамматику», которая строилась бы на иных основаниях, чем современные западные «новогреческие грамматики». Необходимо при описании «новогреческого языка» ясно различать (1) новогреческие письменные языки; (2) новогреческие диалекты и новогреческую городскую речь (в частности, неофициальную и нехудожественную речь новогреческой интеллигенции) и (3) речь, носящую официальный или художественный характер. Описывая новогреческие письменные языки, необходи-

мо уделить особое внимание проблеме различения исторической и фонетической орфографии окончаний (то есть описывая тот или иной из этих языков, надо различать, с одной стороны, его орфографические отличия от других письменных языков, а с другой стороны, его языковые отличия от неофициальной и нехудожественной речи новогреческой интеллигенции). Кроме того, при описании различий между новогреческими письменными языками надо помнить, что они не функционируют как универсальные письменные языки, вследствие чего многие различия между ними обязаны различию содержания, излагаемого при их помощи. Необходимо, наконец, учитывать, что на важнейшем языковом уровне — уровне структур слов — ведущие ныне новогреческие письменные языки (относящиеся к классам II, III и IV), новогреческая городская речь (в частности, неофициальная и нехудожественная речь новогреческой интеллигенции) и речь, носящая официальный или художественный характер, обнаруживают фактически полную общность.

Основные положения работы «Письменные языки Новой Греции» отражены в следующих статьях:

Языковая реальность в современной Греции (лингвистические аспекты) — в сборнике «Лингвистические исследования. 1972. Часть I», Москва, 1973, стр. 364—392.

Проблема новогреческого литературного языка в постановке основоположников новогреческого языкознания — в журнале «Вопросы языкознания», 1973, № 3, стр. 105—113.

Классификация балканских языков с точки зрения структуры речевых вариантов — в сборнике «Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков», Москва, 1973, стр. 36—37.

Подп. к печати 17-1-74 г.
Заказ 5458.

Объем 1¼ печ. лист.

Тираж 150.
Бесплатно.

Типогр. гзз. «На страже Родины»

Бесплатно